

Сказавши "А", сказал и "Б"...

Борис Поюровский.
"Что осталось на трубе..."
Центрполиграф, 2000

Эту книгу Б. Поюровского начинаешь читать почти незаметно для себя. Рассматривая многочисленные — из личного архива автора — фотографии прославленных мастеров театра, естественно, знакомишься и с пространственными аннотациями к ним. И интерес к дальнейшему обеспечен. Сразу же хочется отметить уникальное оформление художником М. Егизаровой этой книги, которую не устаешь разглядывать от переплета до каждой страницы в отдельности.

Более чем солидный фолиант, который вобрал в себя работы Поюровского разных лет, без всякого преувеличения читается на одном дыхании. И объясняется это не только профессиональностью критика. Завораживает, иначе и сказать-то трудно, его абсолютная влюбленность в театр. С каким-то даже трепетом думаешь: неужели на протяжении десятилетий можно чуть ли не ежевечерне ходить на спектакли от Москвы до самых отдаленных окраин страны? Поюровский — критик далеко не лицеприятный. При этом он никогда не бывает грубо категоричен, но неизменно с деликатной непреклонностью объяснит собственную точку зрения. А если он и "набрасывает" упреки постановщику или исполнителю, то непременно вспомнит и прошлые их звездные достижения. Он с равным уважением относится и к прославленным мастерам, и к тем, кому выпало на долю произнести лишь "кушать подано". Он отметит и праздничный блеск премьеры, и интересный актерский ввод в спектакль, который идет давным-давно.

Б. Поюровский активно пишет уже не одно десятилетие. И вот оказалось, что его статьи и рецензии, собранные вместе, стали серьезнейшей театральной летописью, своего рода сагой о театре, а в определенном ракурсе и культурной историей страны. Готовя сборник, автор не пересматривал свои давние работы с позиций дня сегодняшнего. Потому они воссоздают не только сценическую реальность давних лет, но и ту социально-политическую атмосферу, в которой она проявлялась.

Наша неизбывная политическая дикость направлена лишь на затаптывание очередного прошлого, которое с калейдоскопической быстротой пересматривается с каждым новым историческим витком. Стабильны лишь посулы грядущего светлого завтра. Послушаешь иных оракулов, так двадцать — тридцать лет тому назад мы не жили, а жалко прозябали, затюканные до дебильного состояния. Спокойней, господа! И вчера, и сегодня, надо полагать, и завтра в нашей действительности было, есть и будет предостаточно всего — и потеря, и обретений.

Расстаться, дай Бог, навсегда с партийным прессингом — благо для всех, в том числе и людей искусства. Но и этот диктат ломал далеко не каждого. С ним боролись, да еще как! Об этом и напоминает нам автор книги в статье "Протокол одного заседания". В ней рассказывается о бурном собрании в ВТО, где Поюровский вступил в более чем отважную полемику с тогдашним главным редактором журнала "Театральная жизнь" Ю.А. Зубковым, который был не столько от искусства, сколько от партии. Свидетельствую, ибо сама была на том собрании, протокольную точность, с которой оно описано. До сих пор помню окаменевшее лицо М.И. Царева, который председательствовал, и налитые кровью глаза Зубкова. Уже на другой день материалы дискуссии, объявленной идеологической диверсией, были затребованы и на Старую площадь, и на Лубянку. А пламенная речь А.В. Эфроса стоила ему Театра имени Ленинского комсомола. "И только, — пишет Поюровский, — кажется, мне все сошло с рук, ибо, как однажды заметил Никита Владимирович Богословский, я хорошо устроился: меня невозможно снять, потому что меня забыли назначить..."

Независимость от идеологической конъюнктуры, свобода, с которой Поюровский высказывает свое мнение, сообщают особое обаяние его статьям, порой заставляют по-новому взглянуть на многие известные факты нашей культуры, опровергают устоявшиеся стереотипы. Так, например, документально точное описание встреч с Е.А. Фурцевой придает почти детективный накал сюжету, где и автор, и партийный функционер предстают людьми живыми, интересными, сложными. Мне кажется, что некая историческая объективность нашего сценического прошлого возникает даже помимо усилий и воли автора — просто он так мыслит, ему и в голову не приходит, что можно о чем-то рассказать или написать не так, как это было на самом деле.

Театр умел не только бороться, но и побеждать, о чем свидетельствуют и замечательные спектакли, и великие имена режиссеров и актеров, к которым вновь и вновь возвращает нас эта книга. Сегодня прежняя распахнутость театрального пространства бывшего СССР кажется почти фантастической. Ведь тогда любая сцена любого города и республики была для театрального критика домом родным. Никаких национальных границ, лишь бесконечное разнообразие сценических красок. Очерки о театрах Туркмении, Грузии, Молдавии, Украины, Прибалтики переполняют книгу Поюровского. Он рассказывает о замечательном национальном искусстве сцены, о ее выдающихся мастерах. Он рассказывает о своих близких друзьях.

Я вполне сознательно не останавливаюсь на персоналиях книги. В указателе имен, которым она завершается, свыше двух тысяч (!) фамилий, что сообщает этому сборнику явно энциклопедический оттенок. Но главное — названа в конечном счете самая видимая, популярная основа нашего театра, о котором с такой любовью и уважением рассказывал Борис Поюровский.

Так что же осталось на трубе? Осталась театральная жизнь второй половины XX века.

Ирина ВАСИЛИНИНА

Куплена — 2000. — 2-15 ноября — с. 9